ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

РУСАЛОЧКА

Annotation

«В открытом море вода синяя, как лепестки красивейших васильков, и прозрачная, как тончайшее стекло. Но зато и глубоко же там! Так глубоко, что никакие якори не достанут до дна, и на него пришлось бы поставить немало колоколен одну на другую, чтобы верхняя высунулась из воды. На дне морском живут русалки…»

- Ханс Кристиан Андерсен
  -

Ханс Кристиан Андерсен
Русалочка

В открытом море вода синяя, как лепестки красивейших васильков, и прозрачная, как тончайшее стекло. Но зато и глубоко же там! Так глубоко, что никакие якори не достанут до дна, и на него пришлось бы поставить немало колоколен одну на другую, чтобы верхняя высунулась из воды. На дне морском живут русалки.

Не подумайте, что там только голый белый песок, – нет, на дне растут удивительные деревья и цветы, с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. В этой чаще шныряют маленькие и большие рыбы, точь-в-точь как у нас птицы в лесу. На самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из чистейшего янтаря и с кровлей из раковин, которые то открываются, то закрываются, в зависимости от прилива и отлива. Это дивное зрелище, ибо в каждой раковине лежат блестящие жемчужины такой красоты, что любая из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и царским хозяйством заправляла его старуха мать, женщина умная, но очень гордившаяся свой знатностью, – на хвосте у неё сидела целая дюжина устриц, тогда как вельможам полагалось только по шести. Вообще же она была женщина достойная, особенно потому, что очень любила маленьких морских принцесс, своих внучек. Их было шестеро, и все прехорошенькие, а младшая – лучше всех: кожа у неё была нежная и прозрачная, как лепесток розы, а глаза синие, как глубокое море. Но у неё, как и у других русалок, не было ножек, их заменял рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где на стенах росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как в наши окна иной раз влетают ласточки. Рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был разбит большой сад, в котором росло много огненно-красных и синих деревьев; их ветви и листья всегда колыхались, плоды сверкали, как золото, а цветы пылали, как костёр. Сама земля там была усыпана мелким песком цвета серного пламени, и потому дно морское отливало каким-то удивительным голубоватым блеском, – можно

было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причём небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветком, венчик которого излучал свет.

В саду у каждой принцессы было своё местечко; тут они копали землю и сажали цветы, какие хотели. Одна сделала себе цветочную клумбу в виде кита; другой захотелось, чтобы её клумба походила на русалочку; а младшая сестра сделала клумбу круглую, как солнце, и засадила её ярко-красными цветами. Странная девочка была эта русалочка – такая тихая, задумчивая… Другие сёстры украшали свои садики разными разностями, добытыми на затонувших кораблях, а в её саду были только алые цветы, похожие на далёкое солнце, да прекрасная статуя мальчика из чистого белого мрамора, упавшая на дно моря с какого-то погибшего судна. Русалочка посадила у статуи розовую плакучую иву, и она пышно разрослась: длинные тонкие ветви её, окутав статую, почти касались голубого песка, на котором колебалась их фиолетовая тень. Так, вершина и корни, казалось, играли, пытаясь поцеловать друг друга.

Больше всего любила русалочка слушать про людей, что живут наверху, на земле, и бабушка должна была рассказывать ей всё, что только знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут, – не то что здесь, в море! – что леса там зелёные, а рыбки, которые живут на земных деревьях, поют очень звонко и красиво. Бабушка называла «рыбками» птичек, иначе внучки не поняли бы её: они никогда в жизни не видели птиц.

– Как только одной из вас минет пятнадцать лет, – говорила бабушка, – ей разрешат подниматься на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо корабли; она увидит земные леса и города.

В этот год старшей принцессе как раз исполнялось пятнадцать лет, а другим сёстрам – все они были погодки – приходилось ещё ждать того дня, когда им разрешат всплыть наверх; и дольше всех должна была ждать младшая. Но каждая обещала рассказать сёстрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, – им было мало рассказов бабушки и хотелось знать обо всём на свете как можно подробнее.

Никого так не тянуло на поверхность моря, как младшую сестру, тихую, задумчивую русалочку, которой пришлось ждать дольше всех. Сколько ночей она провела у открытого окна, глядя вверх, сквозь синеву морской воды, в которой стаи рыбок шевелили своими плавниками

и хвостами! Она даже могла разглядеть месяц и звёзды: они, конечно, светили совсем тускло, но зато казались гораздо крупнее, чем кажутся нам. Случалось, что их затмевало что-то вроде большой тучи, но русалочка знала, что это плывёт над нею кит или проходит корабль с толпами людей. Эти люди и не подозревали, что там, в глубине моря, стоит прелестная русалочка и протягивает к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Но больше всего ей понравилось лежать при свете месяца на песчаной отмели и нежиться, любуясь раскинувшимся на берегу городом: там, словно сотни звёзд, горели огни, играла музыка, тарахтели повозки, шумели люди, высились колокольни и звонили колокола. Ей нельзя было попасть туда, потому-то её так и манило это зрелище.

Как жадно слушала её младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и глядя вверх сквозь тёмно-синюю воду, она только и думала, что о большом шумном городе, и ей даже слышался колокольный звон.

Прошёл год, и второй сестре тоже позволили подняться на поверхность моря и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака… тут у неё даже слов не хватало! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро летели по небу, но ещё быстрее мчалась к солнцу стая лебедей, похожая на длинную белую вуаль. Русалочка тоже было поплыла к солнцу, но оно погрузилось в море, а на воде и на облаках погас розовый отблеск.

Прошёл ещё год – и вынырнула третья сестра. Эта была смелее всех и поплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зелёные холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окружённые красивыми рощами, в которых пели птицы. Солнце светило ярко и так припекало, что ей не раз пришлось нырнуть в воду, чтобы освежить пылающее лицо. В маленькой бухте плескалась целая толпа голеньких человеческих детей. Русалка хотела было поиграть с ними, но они испугались и убежали, а вместо них появился какой-то чёрный зверёк и принялся на неё тявкать, да так грозно, что она в страхе уплыла. Зверёк этот был просто-напросто собачкой, но русалка ведь ещё не видела собак. Вернувшись домой, она не переставала вспоминать чудесные леса, зелёные холмы и прелестных детей, которые умели плавать, хоть у них и не было рыбьих хвостов.

Четвёртая сестра оказалась не такой смелой – она держалась больше в открытом море и потом говорила, что это лучше всего: куда ни оглянись, на много-много миль вокруг только вода да небо, опрокинутое над водой, точно огромный стеклянный купол. Большие корабли она видела только издали, и ей они казались похожими на чаек; вокруг неё играли и кувыркались забавные дельфины, а громадные киты пускали фонтаны из ноздрей.

Потом настал черёд пятой сестры; её день рождения был зимой, и она увидела то, чего не видели другие. Море теперь было зеленоватого цвета, повсюду плавали ледяные горы, похожие на огромные жемчужины, но только они были гораздо выше самых высоких колоколен, построенных людьми. Некоторые из них были очень причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую ледяную гору, и ветер развевал её длинные волосы, а моряки испуганно обходили эту гору стороной. К вечеру небо заволокло тучами, засверкала молния, загремел гром, и тёмное море принялось кидаться ледяными глыбами, которые ярко сверкали при красном свете молний. На кораблях убирали паруса, люди метались в страхе и трепете, а русалка спокойно плыла вдаль, сидя на ледяной горе и любуясь на огненные зигзаги молний, которые, прорезав небо, падали в мерцающее море.

Да и все сёстры восхищались тем, что увидели впервые, – всё это было ново и потому нравилось им. Но когда они стали взрослыми девушками и им разрешили плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему, что видели, и спустя месяц стали уже говорить, что везде хорошо, но дома лучше.

По вечерам все пять сестёр поднимались рука об руку на поверхность воды. Они были одарены великолепными голосами, каких не бывает у людей, – и вот когда начиналась буря и опасность нависала над кораблями, русалки подплывали к ним и пели песни о чудесах подводного царства, уговаривая моряков не бояться попасть к ним на дно. Но моряки не могли разобрать слов – им казалось, что это просто шумит буря. Впрочем, если б они и попали на дно морское, им всё равно не удалось бы увидеть там никаких чудес, – ведь, когда корабль шёл на дно, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мёртвыми.

В то время как русалки рука об руку всплывали на поверхность моря, младшая их сестра сидела одна-одинёшенька, глядя им вслед, и ей очень хотелось заплакать. Но русалки не могут плакать, и им от этого ещё тяжелее переносить страдания.

– Ах, если бы мне уже было пятнадцать лет! – говорила она. – Я знаю,

что очень полюблю тот верхний мир и людей, которые в нём живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет!

– Ну вот, вырастили и тебя! – сказала ей бабушка, вдовствующая королева. – Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестёр.

И она надела русалочке на голову венец из белых жемчужных лилий, каждый их лепесток был сделан из половинки жемчужины; потом приказала восьмерым устрицам прицепиться к её хвосту, – это было знаком отличия её сана.

– Мне больно! – проговорила русалочка.

– Ради красоты стоит потерпеть! – изрекла старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжёлый венец, – алые цветы из её садика шли ей гораздо больше. Но делать нечего!

– Прощайте! – сказала она и легко и плавно, как прозрачный пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака ещё пылали, пурпурные и золотые, и в розовом небе зажглась вечерняя звезда. Воздух был мягок и свеж, а море словно замерло. Неподалёку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трёхмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, – на море не было ни малейшего ветерка. На вантах и реях сидели матросы, с палубы доносились звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветили сотни разноцветных фонариков, – казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к зеркальным иллюминаторам кают-компании и заглядывала туда всякий раз, как её приподнимала волна. В кают-компании собралось много нарядных людей, но красивее всех был черноглазый принц, юноша лет шестнадцати, не больше. В тот день праздновали его рождение, оттого-то на корабле и шло такое веселье. На палубе плясали матросы, а когда к ним вышел молодой принц, взвились сотни ракет, и стало светло, как днём, – русалочка даже испугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула головку, и ей почудилось, будто это звёздочки упали с неба к ней в море. Никогда ещё не видела она подобной игры огней: большие солнца вертелись колесом, великолепные огненные рыбы крутили хвостами в воздухе – и всё это отражалось в недвижной светлой воде. На корабле же было так светло, что можно было различить канат в его снастях, а людей и подавно. Ах, до чего хорош собою был молодой принц! Он пожимал руки людям и улыбался, а музыка всё гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Время было уже позднее, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Разноцветные огни погасли, ракеты

больше не взлетали в воздух, не гремели и пушечные выстрелы – зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблём, то и дело заглядывая в кают-компанию, а корабль мчался всё быстрей и быстрей, паруса развёртывались один за другим. Но вот началось волнение, сгустились тучи и засверкала молния. Разыгралась буря, и матросы бросились убирать паруса. Сильная качка трепала огромный корабль, а ветер мчал его по бушующим волнам. Вокруг вырастали высокие чёрные водяные горы, грозившие сомкнуться над мачтами, но корабль, как лебедь, падал в бездну между водяными стенами, потом снова взлетал на валы, громоздящиеся друг на друга. Русалочке такое плавание очень нравилось, а морякам приходилось туго. Корабль скрипел и трещал, толстые доски гнулись под сильными ударами, волны перекатывались через палубу. Вот грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль лёг набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла, какая опасность грозит кораблю; ей и самой приходилось остерегаться брёвен и обломков, носившихся по волнам. Как темно вдруг стало, хоть глаз выколи! Но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела всех людей на корабле: каждый спасался, как мог. Она постаралась отыскать глазами принца и увидела, когда корабль развалился, что юноша тонет. Сначала русалочка очень обрадовалась, поняв, что теперь он попадёт к ним на дно, но потом вспомнила, что люди в воде жить не могут и если он и попадёт во дворец её отца, то лишь мёртвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между брёвнами и досками, позабыв о том, что они в любую минуту могут её раздавить. Пришлось ей то нырять вглубь, то высоко взлетать вместе с волнами, но вот наконец она догнала принца, который уже почти выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю. Руки и ноги отказались ему служить, глаза закрылись, и он бы погиб, не явись на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и понеслась вместе с ним по воле волн.

К утру непогода стихла. От корабля не осталось и щепки, а солнце, красное и пылающее, опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живой румянец, но глаза юноши всё ещё не открывались.

Русалочка откинула мокрые волосы с его лба и поцеловала этот высокий, красивый лоб. Ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, украшающего её садик. Она поцеловала его снова и от всего сердца пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец показался берег и вздымавшиеся на нём высокие, синеватые, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели

снега. Внизу, у самого берега, зеленели густые леса, неподалёку высилось какое-то здание – видимо, церковь или монастырь. В саду, окружающем здание, росли апельсинные и лимонные деревья, а у ворот стояли высокие пальмы. Море вдавалось в белый песчаный берег небольшим глубоким заливом, где вода была совсем спокойна. Сюда-то и приплыла русалочка. Она положила принца на песок и позаботилась о том, чтобы голова его лежала повыше, освещённая тёплыми лучами солнца.

В это время в высоком белом здании зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла себе волосы и грудь морской пеной – теперь никто не различил бы в этой пене её светлого личика – и стала ждать, не придёт ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла молодая девушка и сначала очень испугалась, но быстро успокоилась, созвала людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем тем, кто стоял вокруг него. А ей не улыбнулся, – он ведь не знал, что это она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке. И когда принца увели в большое белое здание, она, печальная, нырнула в воду и уплыла домой.

Она всегда была тихой и задумчивой, а теперь стала ещё задумчивее. Сёстры спрашивали её, что она видела на море, но она молчала.

Не раз, и вечером и утром, подплывала она к тому месту, где оставила принца; видела, как созрели и были сорваны плоды в садах, видела, как на высоких горах стаял снег, – но принц не появлялся; и с каждым разом грустя всё больше и больше, она возвращалась домой. Единственной её отрадой было сидеть в своём садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца. За цветами она больше не ухаживала, они росли по своей воле, даже на дорожках, переплетаясь длинными стеблями и листьями с ветвями деревьев; и вскоре в запущенный садик совсем перестал проникать свет.

Наконец русалка не выдержала – рассказала обо всём одной из сестёр; от неё о принце сейчас же узнали и все остальные сёстры. Но больше никто, – не считая ещё двух-трёх русалок, которые никому об этом не говорили, кроме как самым близким своим подругам. Одна из русалок тоже видела и праздник на корабле, и самого принца и даже знала, где находятся его владения.

– Поплывём вместе, сестрица! – сказали русалке сёстры и рука об руку поднялись на поверхность моря близ того места, где находился дворец принца.

Дворец был из светло-жёлтого блестящего камня, с большими

мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах между колоннами, окружавшими всё здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые. Сквозь прозрачные стёкла высоких окон были видны роскошные покои; всюду висели дорогие шёлковые занавески, всюду были разостланы ковры, а стены украшали большие картины, которые так интересно было рассматривать. Посреди огромного зала журчал большой фонтан, и струи его били высоко-высоко под потолок. Потолок был в виде стеклянного купола, и лучи солнца проникали сквозь него внутрь, освещая воду и чудные растения, которые росли в обширном водоёме.

Теперь русалочка знала, где живёт принц; и вот она стала часто приплывать ко дворцу вечерами или ночью. Ни одна из сестёр не осмеливалась так близко подплывать к земле, как младшая, – она вплывала даже в узкий канал, который протекал прямо под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца; а тот был уверен, что сидит при свете месяца в полном одиночестве.

Много раз видела русалочка, как он катается с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной реющими флагами. Она выглядывала из зарослей зелёного тростника, и если люди иной раз замечали её длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся на ветру, то принимали ее за лебедя, расправляющего крылья.

Не раз также слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нём много хорошего. И русалочка, радуясь, что спасла ему жизнь, когда его, полумёртвого, швыряли волны, вспоминала о том, как крепко она прижимала тогда к груди его голову и как нежно целовала его. А он ничего об этом не знал, она даже и присниться ему не могла.

Всё больше и больше начинала русалочка любить людей, всё сильней и сильней тянуло её к ним. Их мир казался ей гораздо более широким, чем её мир: они могли переплывать море на своих кораблях, могли взбираться на высокие горы к самым облакам, а земли, которыми они владели, их леса и поля тянулись так далеко, что она не могла охватить их взглядом. Ей так хотелось побольше узнать о людях, но сёстры не могли ответить на все её вопросы, и она обратилась к бабушке. Старуха хорошо знала «высший мир», как она правильно называла землю, лежавшую над морем.

– А те люди, что не тонут, – спрашивала русалочка, – они живут вечно? Они не умирают, как умираем мы тут внизу, в море?

– Вовсе нет! – отвечала старуха. – Они тоже умирают. И век их даже

короче нашего. Но хоть мы и живём триста лет, а когда нам приходит конец, от нас остаётся лишь пена морская, и нет у нас могил наших близких, мы не одарены бессмертной душой, и наша русалочья жизнь кончается со смертью тела. Мы – как этот тростник: срезанный стебель его уже не зазеленеет вновь! А у людей есть душа, которая живёт вечно, она живёт и после того, как тело превратится в прах, и тогда улетает в прозрачную высь, к сверкающим звёздам. Как мы всплываем на поверхность моря и видим землю, где живут люди, так и они поднимаются в неведомые блаженные страны, которых нам не увидеть никогда!

– Ах, почему у нас нет бессмертной души! – грустно проговорила русалочка. – Я бы все свои сотни лет отдала за один день человеческой жизни, чтобы потом вкусить небесного блаженства.

– Что за вздор! – сказала старуха. – Ты об этом и не думай. Нам тут живётся куда лучше, чем людям на земле.

– Неужели и я после смерти превращусь в морскую пену и не услышу больше музыки волн, не увижу прекрасных цветов и огненного солнца! Неужели мне никак не удастся обрести вечную душу?

– Нет, – ответила бабушка. – Но если кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, если он отдастся тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и попросит священника соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу – тогда его душа перейдёт в твоё тело и ты тоже познаешь небесное блаженство, доступное людям. Этот человек вдохнёт в тебя душу и сохранит свою. Но с тобой этого никогда не будет: твой рыбий хвост, который у нас считается красивым, люди находят безобразным. Ведь они мало смыслят в красоте; по их мнению, нельзя быть красивым без двух неуклюжих подпорок – «ног», как они их называют.

Глубоко вздохнула русалочка и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

– Будем жить да радоваться! – сказала старуха. – Повеселимся вволю свои триста лет, а это немалый срок! Тем слаще покажется нам отдых после смерти. Сегодня вечером у нас при дворе будет бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок громадного танцевального зала были из толстого, но прозрачного стекла, а вдоль стен рядами лежали сотни огромных розовых и травяно-зелёных раковин с голубыми огоньками внутри. Огни эти ярко освещали весь зал и, проникая сквозь стеклянные стены, озаряли само море. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, сверкающих то пурпурной, то золотистой или серебристой чешуёй.

Посреди зала вода мчалась широким потоком, и в ней танцевали водяные и русалки под своё чудесное пение. У людей таких дивных голосов не бывает. Русалочка пела лучше всех, и весь двор ей рукоплескал. На минуту ей стало весело, когда она подумала о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у неё; но потом она опять стала вспоминать о надводном мире, о прекрасном принце и грустить о том, что у неё нет бессмертной души. Вскоре она незаметно выскользнула из дворца и, пока там пели и веселились, грустно сидела в своём садике; сквозь толщу воды к ней доносились звуки музыки. И она думала: «Вот он опять, наверное, катается в лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Мысленно я постоянно с ним, ему я охотно вверила бы своё счастье, всю свою жизнь! Ради него и бессмертной души я пошла бы на всё! Пока сёстры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда её боялась, но, может быть, она теперь что-нибудь посоветует и как-нибудь поможет мне».

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей ещё ни разу не приходилось плыть этой дорогой. Тут не росло ни цветов, ни даже водорослей, всюду был только голый серый песок. Вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колёсами, увлекая за собой в глубину всё, что встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между этими бурлящими водоворотами. Потом на пути к логову ведьмы ей встретилось ещё большее пространство, покрытое горячим пузырившимся илом; это место ведьма называла своим торфяным болотом. За ним показалось и жильё ведьмы, окружённое каким-то диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нём были полипы – полуживотные-полурастения, похожие на стоголовых змей, выросших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам, а пальцы извивались, как черви. Полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими ветвями от корня до самой верхушки, гибкими щупальцами они впивались во всё, что только им попадалось, и уже не выпускали добычи. Русалочка испуганно остановилась, и сердце её застучало от страха. Она уже готова была уплыть обратно, но вспомнила о принце, о бессмертной душе – и к ней вернулось мужество. Крепко обмотав вокруг головы свои длинные волосы, чтобы их не зацепили полипы, она скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между чудовищами, которые протягивали к ней свои извивающиеся щупальца. Она видела, до чего крепко, словно железными клещами, держали они всё, что удалось схватить: белые скелеты утопленников, корабельные рули, ящики, остовы животных, даже одну русалочку: полипы

поймали и задушили её. Это было, пожалуй, страшнее всего!

Но вот наша русалочка очутилась на болотистой лесной поляне, где кувыркались большие жирные водяные ужи, показывая своё противное светло-жёлтое брюхо. Посреди поляны стоял дом, выстроенный из белых человеческих костей; тут же сидела и сама морская ведьма, кормившая изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Гадких жирных ужей она называла «цыплятками» и позволяла им ползать по своей большой ноздреватой, как губка, груди.

– Знаю, знаю, зачем ты пришла! – сказала русалочке морская ведьма. – Глупости затеваешь! Ну, да я исполню твоё желание, потому что это принесёт тебе горе, красавица! Ты хочешь взамен рыбьего хвоста получить две подпорки и ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц тебя полюбил, а ты получила и его, и бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и безобразно, что и жаба и ужи свалились с неё и растянулись на песке.

– Ну ладно, пришла ты вовремя! – продолжала ведьма. – А приди ты завтра поутру, было бы уже поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше, чем в будущем году. Я приготовлю тебе питьё, а ты возьмёшь его, подплывёшь с ним к берегу ещё до восхода солнца, сядешь там и выпьешь всё до капли. Тогда твой хвост раздвоится и превратится в две очаровательные, как скажут люди, ножки, но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят насквозь острым мечом. Зато каждый, кто тебя увидит, скажет, что такой прелестной девушки он в жизни не видывал! Ты сохранишь свою лёгкую, скользящую походку, – ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но знай, что каждый твой шаг будет тебе причинять такую боль, как будто ты ступаешь по острым ножам, как будто кровь сочится из твоих ножек. Если ты согласна всё это вытерпеть, я тебе помогу.

– Да! – ответила русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

– Знай также, – продолжала ведьма, – что, если ты примешь человеческий образ, тебе уже не быть русалкой никогда. Ты больше не сможешь спускаться к сёстрам и во дворец отца. И если принц не полюбит тебя так, что ради тебя забудет отца и мать, если он не прилепится к тебе душой и телом и не попросит священника соединить ваши руки, чтобы вам стать мужем и женой, – ты не обретёшь бессмертной души. Если же он возьмёт в жёны другую, то на первой же заре после их брака сердце твоё разорвётся на части и ты превратишься в морскую пену.

– Пусть! – проговорила русалочка и побледнела как смерть.

– Кроме того, ты должна заплатить мне за помощь! – сказала ведьма. –

А я возьму недёшево. Здесь, на дне морском, ни у кого нет голоса красивее твоего, и им ты надеешься обворожить принца, – но ты должна отдать свой голос мне. За свой драгоценный напиток я возьму самое лучшее, что у тебя есть: я ведь должна приправить этот напиток своей собственной кровью, для того чтобы он стал острый, как лезвие меча!

– Если ты возьмёшь мой голос, что же у меня останется? – спросила русалочка.

– Твоё прелестное лицо, твоя скользящая походка и твои говорящие глаза, – этого вполне достаточно, чтобы покорить человеческое сердце. Ну полно, не бойся: ты высунешь язычок, а я его отрежу в уплату за волшебный напиток.

– Пусть будет так! – сказала русалочка.

И ведьма поставила на огонь котёл, чтобы сварить питьё.

– Чистота – лучшая красота! – сказала она и обтёрла котёл связкой живых ужей, потом расцарапала себе грудь, и чёрная кровь закапала в котёл, над которым вскоре заклубился пар, принимавший столь причудливые формы, что страшно было смотреть на него. Ведьма поминутно бросала в котёл всё новые и новые снадобья; и когда питьё закипело, послышались звуки, похожие на плач крокодила. Наконец зелье сварилось; на вид оно казалось прозрачной водой.

– На, бери! – буркнула ведьма, отдавая его русалочке, которая не могла больше ни петь, ни говорить.

– Если полипы захотят тебя схватить, когда ты поплывёшь назад моим лесом, – сказала ведьма, – брызни на них только одну каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячу кусков.

Но русалочке это не понадобилось: полипы с ужасом отворачивались, едва завидев напиток, сверкавший в её руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она по лесу, миновала болотистую низину и бурлящие водовороты.

Но вот и отцовский дворец; огни в большом зале были потушены: вероятно, все уже спали. Русалочка не посмела войти во дворец – ведь она была немая и собиралась навеки покинуть отчий дом. Сердце её было готово разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад и, сорвав по цветку с клумбы каждой своей сестры, послала родным тысячу воздушных поцелуев, потом стала подниматься наверх сквозь толщу тёмно-голубой воды.

Солнце ещё не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на нижнюю ступеньку великолепной мраморной лестницы, озарённой волшебным голубым сиянием месяца. Русалочка выпила

огненный, острый напиток, и ей показалось, что её нежное тело пронзил обоюдоострый меч; она потеряла сознание и упала замертво. Очнулась она, когда над морем уже сияло солнце, и сразу ощутила жгучую боль; зато перед ней стоял юный красавец принц и смотрел на неё своими чёрными, как уголь, глазами. Русалочка потупилась и увидела, что вместо рыбьего хвоста у неё теперь выросли две восхитительные белые ножки, маленькие, как у девочки. Но она была совсем нагая и поскорее закуталась в свои длинные густые волосы. Принц спросил, кто она такая и как сюда попала, но она только грустно и кротко смотрела на него своими тёмно-голубыми глазами – говорить она не могла. Тогда он взял её за руку и повёл во дворец. Ведьма сказала правду: с каждым шагом русалочке чудилось, будто она наступает на иглы или острые ножи; но она терпеливо переносила боль и шла рука об руку с принцем, лёгкая, светлая, как мыльный пузырёк; принц и все окружающие не могли надивиться на её прелестную скользящую походку.

Русалочку нарядили в дорогие муслиновые и шёлковые платья, и она стала первой красавицей при дворе, но по-прежнему оставалась немой – не могла ни петь, ни говорить. Однажды красивые рабыни, все в шелку и золоте, предстали перед принцем и его царственными родителями и запели песню. Одна рабыня пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей. Русалочке стало очень грустно, ведь когда-то и она могла петь, и пела гораздо лучше! «Ах, если бы он только знал, что я навсегда рассталась со своим голосом для того, чтобы вечно быть возле него, моего любимого!» – думала она.

Потом рабыни стали танцевать под звуки чарующей музыки. Тут и русалочка подняла свои хорошенькие белые ручки, встала на цыпочки и понеслась в лёгком воздушном танце, – так не танцевал ещё никто. Каждое движение подчёркивало её красоту, а русалочьи глаза говорили сердцу больше, чем пение рабынь.

Все пришли в восторг, особенно принц, назвавший русалочку своим маленьким найдёнышем. Она всё танцевала и танцевала, хотя всякий раз, когда ножки её касались пола, ей было так больно, как будто она наступала на острый нож. Принц сказал, что она всегда будет жить у него, и позволил ей спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он приказал сшить ей мужское платье, чтобы она вместе с ним могла ездить верхом. Они проезжали по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зелёные ветви гладили маленькую всадницу по плечам; они взбирались на высокие горы, и хотя из её нежных ножек сочилась кровь и все это видели, она только смеялась и вслед за принцем

поднималась на горные вершины: там они любовались облаками, плывшими у их ног, словно стаи птиц, улетающих в дальние страны.

А дома, во дворце принца, ночью, когда все спали, русалочка спускалась по мраморной лестнице, выходила на берег моря и, погрузив пылавшие, как в огне, ноги в холодную морскую воду, думала о своих родных, оставшихся на дне морском.

Однажды ночью из воды выплыли рука об руку её сёстры и запели печальную песню. Она кивнула им, а они, узнав её, рассказали, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали её каждую ночь, а однажды она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много, много лет не выплывала на поверхность, и самого морского царя с короной на голове. Они простирали к ней руки, но не смели подплывать к земле так близко, как её сёстры.

День ото дня принц всё сильнее привязывался к русалочке, но любил её только как любят милых, послушных детей, – сделать её своей женой и королевой ему и в голову не приходило. А ведь ей необходимо было стать его женою, иначе она не могла обрести бессмертную душу; и если бы он женился на другой, русалочка превратилась бы в морскую пену.

«Ты любишь меня больше всех на свете, правда?» – казалось, спрашивали глаза русалочки в то время, как принц обнимал её и целовал в прекрасный лоб.

– Да, ты мне дороже всех! – говорил принц. – У тебя самое доброе сердце на свете, ты предана мне, как никто, и ты похожа на молодую девушку, которую я видел раз и, верно, больше не увижу. Однажды я плыл на корабле, а корабль разбился, и волны выбросили меня на берег вблизи дивного храма, в котором молодые девушки служат Богу. Младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь. Я видел её всего два раза, но лишь её одну в целом мире мог бы я полюбить! Однако ты похожа на неё и почти вытеснила из моего сердца её образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой.

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! – думала русалочка. – Я вынесла его из волн морских на берег и положила в лесу, близ храма, а сама скрылась в морской пене и смотрела, не придёт ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красавицу девушку, которую он любит больше, чем меня! – И русалочка глубоко, глубоко вздыхала – плакать она не могла. – Но та девушка принадлежит храму, сказал он, она не вернётся в мир, и они никогда не встретятся! А я всё время рядом с ним, вижу его каждый день, могу за ним ухаживать, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц собирается жениться на красавице – дочери своего соседа, короля, и потому снаряжает в плавание свой великолепный корабль. Принц поедет к соседу как будто затем, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом деле, чтобы увидеть его дочь; с ним будет большая свита. Слушая эти речи, русалочка только покачивала головой и смеялась: кто-кто, а она лучше всех знает мысли принца!

– Я должен ехать! – говорил он ей. – Мне надо познакомиться с прекрасной принцессой, этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда её не полюблю! Она ведь не похожа на ту красавицу, которую мне так напоминаешь ты. Если же мне наконец придётся избрать себе невесту, я скорее всего выберу тебя, мой немой найдёныш с говорящими глазами!

И он целовал её в алые губы, играл её длинными волосами и прижимал голову к её сердцу, которое так жаждало человеческого счастья и бессмертной души.

– Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? – говорил он, когда они уже прибыли на великолепный корабль, который должен был отвезти их в соседнее королевство.

И принц рассказывал ей о морских штормах и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в глубине моря, и чудесах, которые видят водолазы. Но русалочка только улыбалась, слушая его рассказы, – она-то лучше всех знала, какое оно, дно морское.

Однажды в ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны. И вот ей показалось, что она видит отцовский дворец и свою старую бабушку, которая стоит на вышке, в серебряной короне, и смотрит сквозь волнующуюся воду на киль корабля. Вскоре на поверхность моря всплыли сёстры русалочки; они печально смотрели на неё и ломали свои белые руки, а она, кивнув им головой, улыбнулась и хотела было рассказать о том, как ей здесь хорошо, но в это время к ней подошёл корабельный юнга, и сёстры нырнули в воду, а юнга подумал, что это белая морская пена мелькнула в волнах.

Наутро корабль вошёл в гавань великолепной столицы соседнего государства. И вот в городе зазвонили колокола, с высоких башен затрубили в трубы, а на площадях выстроились полки солдат с блестящими штыками и реющими знамёнами. Начались празднества, бал следовал за балом, но принцессы в столице ещё не было, – она воспитывалась где-то в далёком монастыре, куда её отдали, чтобы она научилась всем

королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на неё и должна была сознаться, что ещё не видела более красивого и милого лица. Кожа у принцессы была нежная, прозрачная, а из-под длинных чёрных ресниц улыбались тёмно-синие добрые глаза.

– Это ты! – воскликнул принц. – Это ты спасла мне жизнь, когда я полумёртвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зарумянившуюся невесту.

– Как я счастлив! – сказал он русалочке. – Сбылось то, о чём я и мечтать не смел! Ты порадуешься моему счастью, – ведь никто так не любит меня, как ты!

Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце её уже разрывается, а свадьба принца должна была её убить и превратить в морскую пену!

Церковные колокола звонили, по улицам разъезжали герольды, оповещая народ о помолвке принцессы. На всех алтарях в драгоценных серебряных лампадах горело ароматное масло. Священники кадили ладаном. Жених с невестой подали друг другу руки и получили благословение епископа. Русалочка стояла разодетая в шёлк и золото, держа в руках шлейф невесты, но уши её не слышали звуков праздничной музыки, глаза не видели, как совершается обряд венчания, – она думала о своём смертном часе и о том, что она теряла с жизнью.

Новобрачные должны были отплыть на родину принца в тот же вечер. Пушки палили, флаги развевались, на палубе корабля был раскинут роскошный шатёр из золота и пурпура, весь устланный мягкими подушками. Тут, в шатре, должны были новобрачные провести эту прохладную тихую ночь. Но вот ветер надул паруса, корабль легко скользнул по волнам и помчался вперёд по светлому морю.

Как только смерклось, на корабле зажглось множество разноцветных фонариков, а матросы пустились в пляс по палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые всплыла на поверхность моря и увидела такое же великолепие и веселье. И вот она вспорхнула и понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая врагом. Все выражали ей своё восхищение: никогда ещё не танцевала она так чудесно! Её нежные ножки резало, как ножами, но этой боли она не чувствовала, – ведь сердцу её было ещё больнее: она знала, что в последний раз видит этого человека, ради которого оставила родных и отцовский дом, отдала свой прелестный голос и ежедневно терпела невыносимые мучения, о которых он и не подозревал. Последнюю ночь дышала она одним воздухом с ним,

видела синее море и звёздное небо, зная, что скоро наступит для неё вечная ночь, без мыслей, без сновидений. У русалочки ведь не было души и обрести её не удалось. Далеко за полночь шло на корабле веселье и звучала музыка, а русалочка смеялась и плясала с мыслью о смерти в сердце. Принц в это время целовал красавицу жену, а она играла его чёрными кудрями. Рука об руку удалились они на покой в свой великолепный шатёр.

На корабле воцарилась тишина, один лишь рулевой бодрствовал у руля. Русалочка оперлась своими белыми руками о борт и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был её убить. И вдруг она увидела, как из моря поднялись её сёстры; они были бледны, как и она, но их длинные прекрасные волосы не развевались больше по ветру – они были острижены.

– Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти. А она дала нам вот этот нож, – видишь, какой он острый? Прежде чем взойдёт солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда тёплая кровь его брызнет тебе на ноги, они срастутся в рыбий хвост, и ты опять станешь русалкой, погрузишься в родное море и превратишься в солёную морскую пену не раньше, чем проживёшь свои триста лет. Но спеши! Или он, или ты – кто-нибудь из вас должен умереть до восхода солнца! Наша старая бабушка так печалится, что от горя потеряла все свои седые волосы, а наши волосы срезаны ножницами ведьмы. Убей принца и вернись к нам! Спеши! Видишь, на небе показалась алая полоса. Скоро взойдёт солнце, и ты умрёшь!

И они глубоко-глубоко вздохнули и погрузились в море.

Приподняв пурпуровую полу шатра, русалочка увидела, что головка прелестной новобрачной покоится на груди принца. Русалочка наклонилась, поцеловала его в прекрасный лоб и посмотрела на небо: там разгоралась утренняя заря. Потом она взглянула на острый нож и опять устремила взор на принца, а тот в это время произнёс во сне имя своей молодой жены: значит, она одна была у него в мыслях! И нож дрогнул в руках русалочки. Но промелькнуло ещё мгновение, и она бросила нож в волны, которые покраснели в том месте, где он упал. Ещё раз посмотрела она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело её расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце. Лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала, что умирает. Она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, волшебные создания, во множестве реявшие над ней; сквозь них она видела белые паруса

корабля и алые облака в небе. Голос призраков звучал, как музыка, но музыка столь возвышенная, что люди не могли бы её расслышать, как не могли бы увидеть и этих беспечных существ. У них не было крыльев, но они плавали в воздухе, невесомые и прозрачные. И вот русалочка почувствовала, что и сама становится похожей на них и всё больше и больше отделяется от морской пены.

– Куда я иду? – спросила она, поднимаясь в воздух; и голос её прозвучал так дивно и одухотворённо, что земная музыка не смогла бы передать этих звуков.

– К дочерям воздуха! – ответили ей воздушные создания. – У русалки нет бессмертной души, и обрести её она может только, если её полюбит человек. Её вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут заслужить её себе добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумлённого воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим людям отраду и исцеление. Триста лет мы посильно делаем добро, а потом получаем в награду бессмертную душу и вкушаем вечное блаженство, доступное человеку. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, ты любила и страдала, – поднимись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама можешь заслужить бессмертную душу добрыми делами и обретёшь её через триста лет!

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу, и впервые на глазах её показались слёзы.

На корабле в это время всё опять пришло в движение, и русалочка увидела, как ищут её новобрачные. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, словно зная, что русалочка бросилась в волны. Невидимо поцеловала русалочка новобрачную в лоб, улыбнулась принцу и вместе с другими дочерьми воздуха поднялась к розовым облакам, плававшим в небе.

– Через триста лет мы вот так же поднимемся в божье царство!

– Может быть, и раньше! – прошептала одна из дочерей воздуха. – Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и если находим там доброе, послушное дитя, которое радует своих родителей и достойно их любви, то улыбаемся, – и срок нашего испытания сокращается. Ребёнок не видит нас, когда мы влетаем в комнату, и если мы радуемся на него и улыбаемся, – из нашего трёхсотлетнего срока вычитается год. Если же мы встречаем злого, непослушного ребёнка, мы горько плачем, – и каждая слеза прибавляет лишний день к долгому сроку нашего испытания.